

ОТЗЫВ

**официального оппонента доктора исторических наук О.С. Нагорной
на диссертационную работу Суржиковой Натальи Викторовны
«Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.)»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.**

Великая война породила мощные, невиданные доселе миграционные потоки: не только солдаты регулярных армий (в том числе в статусе военнопленных), но и беженцы, депортированные, эвакуированные насильно вырывались из привычных жизненных миров, пересекая довоенные границы государств в различных направлениях, оказываясь в тех странах, о которых до войны они имели смутное представление. В свою очередь, они нарушали стабильность социальных сред и ставили под вопрос функциональные способности институтов государств пребывания, приспособление которых к новым условиям затянулось вплоть до следующего глобального противостояния. В транснациональном ракурсе исследовательская формула Джорджа Ф. Кеннана «Первая мировая война как катастрофа, породившая столетие», переживает сегодня своеобразное второе рождение, подчеркивая актуальность вопроса о том, какой опыт, выраженный в нормах, институтах и практиках, мировое сообщество перерабатывало и усваивало в военный и послевоенный период.

Диссертационное исследование Н.В. Суржиковой стало заметным явлением в бурном потоке отечественных работ по тематике Первой мировой войны и военного плена, количество которых зримо возросло в канун 100-летия начала конфликта. Автор отважилась на новаторскую постановку вопросов в масштабе не только отечественных, но и международных исследовательских дискуссий, представив ряд неизвестных граней в изучении гуманитарного измерения мирового конфликта, посягнув на

авторитеты данного тематического поля, ставшие, казалось бы, незыблемыми.

На примере Среднего Урала, который, по мнению автора, представлял собой «наиболее инвариантную и поэтому едва ли не самую представительную модель плена, пригодную для широкой национально значимой генерализации», Суржикова задалась целью «реконструировать социальные практики, сопровождавшие развитие российского плена, а также оценить место и роль этих практик в жизнедеятельности принимающего сообщества» (с. 11). Траекторию исследования автор выстраивает на основе детального историографического обзора, пытаясь не только «"реабилитировать" советскую историографию плена» (с. 27), но и привести к единому знаменателю существующие исследовательские дискуссии по избранной научной проблеме. В свете поставленных задач непродуктивным выглядит отказ от проблемного построения обзора в пользу отдельного рассмотрения отечественной и зарубежной историографии. Искусственная сегрегация исторической науки по национальному признаку, на мой взгляд, не позволила максимально выпукло представить теоретическую новизну собственного исследования автора, его вклад в актуальные международные дискуссии.

Диссертация основывается на обширнейшей источниковой базе, скрупулёзно собранной автором не только в центральных, но и в крупных и небольших местных архивах. Уже при характеристике источников автор делает значимые для исследования выводы, например, о прогосударственной ориентации как специфической характеристике российских общественных организаций в годы войны, о лабораторном характере провинциального плена как пространства, формируемого не столько «сверху», сколько «снизу». Тем не менее, спорной является попытка приравнять опросные листы обвиняемых и протоколы допросов к категории материалов социологического исследования: в большей степени они отражают не «жизненные маршруты и коллективный опыт» большинства (с. 116), а скорее

позицию отдельных радикальных элементов, попавших под прицел машины правосудия.

Обширный источниковый и историографический материал преломляется автором через призму институционального подхода, в который весьма органично вплетены приёмы социологического, антропологического и дискурсивного анализа, что придало работе в полной мере междисциплинарный характер. Сложность и противоречивость исследуемого феномена, возникшего на фоне развернувшихся на территории России масштабных социальных, политических и культурных трансформаций, детальное внимание к которым могло поставить под угрозу целостность концептуального подхода и развалить повествование на множество несвязанных друг с другом сюжетов, автор достаточно успешно преодолела. Сделала она это с помощью дефиниции «пространства плена», изначально подразумевая многоликость, разновекторность этих картин и наложение их друг на друга, а также возникновение сложного рисунка при наложении их на иные пространства военного опыта российской провинции.

Вместе с тем, разрыв между заявленным теоретическим инструментарием и его применением в некоторых случаях настоятельно требует коррекции. Апеллируя в теоретическом обзоре к авторам концепций социального конструирования реальности как к методологическому ориентиру, диссертант представляет российские институты плена не как результат усвоения в том числе противоречивого опыта предыдущих конфликтов, а как лишенную преемственности внезапную «встречу плена Первой мировой войны с российской действительностью» (с. 21), автономизируя при этом «русский плен ... от Первой мировой войны» и приписав ему «статус самостоятельного события» (с. 27). Лишь в части, посвященной попыткам мобилизации этнического измерения русского плена, Суржикова дает краткий экскурс в предысторию русских институциональных практик (с. 339), привязывая, наконец, «пространство опыта» к «горизонту ожиданий». Достаточно произвольно автор обращается

и с теоретическими конструктами «тотальная война» и «тотальный плен», налагая их на изучаемый конфликт без всяких оговорок (с. 6, 201) и не учитывая актуальные оживленные дискуссии по этому вопросу, свидетельствующие скорее о переходном характере Первой мировой и сосуществовании тенденций тотализации с традициями предыдущих эпох именно в рамках «пространства плена».

Один из наиболее новаторских выводов Н. Суржиковой заключается в утверждении, что пространство российского провинциального плена невозможно и нецелесообразно описывать в устойчивых терминах «лагерь». Проведя количественный и качественный анализы динамики появления обезоруженных вражеских солдат на местности (в основном, в работе идёт речь именно о них, офицерский опыт представлен в меньшей степени), планов по их использованию в структурах принудительного труда, постоянных перемещений и условий содержания, автор пришла к выводу, что применение понятия «лагерь» во избежание заблуждений следует ограничить конкретными случаями. Охарактеризованные в книге сложности с «обращиванием» в заводских рабочих командах, повсеместное индивидуальное распределение в деревенских хозяйствах, размещение в хоть сколь-нибудь подходящих помещениях (от монастырей до землянок) диссонируют с привычными представлениями исследователей и широкой публики о «лагерной машине» XX в. Автор подчеркивает, что употребление термина «лагерь» в источниках периода Первой мировой обусловлено скорее терминологией, введенной международным правом, а также отсутствием на тот момент более точных дефиниций. Данное положение диссертации, несомненно, заслуживает самого пристального внимания и развития.

Пересматривая характеристики, данные российскому плену ведущими иностранными исследователями, автор попыталась найти некую операбельную аналитическую категорию между тезисом В. Моритц и Х. Ляйдингера о чрезмерном централизме российской системы военного плена в годы Первой мировой войны и утверждением Р. Нахтигала о полной

бессистемности всяческих попыток регулирования пространства лагерей военнопленных. Суржикова предложила отказаться от универсализации характеристик столь многогранного и неоднородного пространства, уделив большее внимание своеобразным интерпретациям местными сообществами распоряжений сверху. Сформулированная ею метафора «управление в ручном режиме», которая, по ее мнению, позволяет в значительной степени отразить «гибкость решений плена, превратившую его из неуправляемого хаоса в плохо управляемое многообразие» (с.303), требует, однако, более скрупулезного применения. Так в тексте диссертации мероприятия этнизации плена характеризуются как «бессистемные и неупорядоченные» (с. 314), причинами «пробуксовывания репатриации» называется «дисперсность российского плена и разбалансированность центр-периферических связей» (с. 459). Возможно, речь стоило вести об импровизационном характере предпринимавшихся шагов и характеризовать их ещё и в зависимости от фазы развития системы, внешних вызовов и отдельного поля «пространства».

С проблемой (бес)системности экономики плена связан вопрос и об эффективности принудительного труда, на который автор отвечает однозначно отрицательно: производительность пленных была очень низкой, что объяснялось и отсутствием мотивации, и забастовками, и полуголодным существованием большинства из них. Применявшиеся методы «мобилизации» в виде урезания пайка, физического принуждения, денежных и телесных наказаний, лишения свободы к желаемому эффекту не приводили. Экономика российского плена, по мнению автора, оправдывала себя только в случае «хищнической эксплуатации», экономии на потреблении и вознаграждении обезоруженных солдат противника (с. 287).

Одним из устойчивых представлений, распространённых и в годы Первой мировой войны, и сегодня является тезис о развёрнутой на территории России широкомасштабной гуманитарной помощи иностранным военнопленным со стороны общественности их собственных стран и нейтральных миссий и организаций. Размах и успех мероприятий

материальной поддержки выглядели впечатляюще во многом в сравнении с положением тех национальных групп военнопленных, которым таковая помощь практически не оказывалась (сербы, итальянцы, русские в Германии и Австро-Венгрии). Автору, напротив, весьма убедительно удалось представить, что подобные символические конструкции не соответствовали реалиям Среднего Урала: продукты и вещи расхищались, денежные переводы первоначально облагались высокими процентами, часто вообще не выдавались, постоянные перемещения на длительное время оставляли военнопленных без всякой поддержки (с. 254).

Интерес для актуальных исследовательских дискуссий представляют и попытки автора отразить социологическое измерение плена. Стоит оговориться, что и здесь она оказалась верна институциональному ракурсу, описывая практики встраивания попавших в плен в локальные сообщества (поступление на работу, сожительство с одинокими женщинами, стремление вернуться домой, попытки интегрироваться в новые социальные структуры, втягивание в машинерию сталинского террора) в основном через ведомственные источники или прессу. наброски коллективного портрета военнопленных выполнены сквозь призму демографическо-социологических характеристик: происхождения, профессиональной принадлежности, возрастных когорт, динамики брачности и смертности. Систематизацию профессиональных характеристик автор производит на основе Международного исторического стандарта классификации профессий (HISCO), использование которой позволило сделать выводы о возможностях социально-профессионального взлета и деградации иностранцев в рамках российской системы принудительного труда.

В заключении своего исследования автор обращается к ключевому вопросу о возможностях и границах контекстуализации российского плена в глобальных процессах «эпохи крайностей», а также о специфике его системных признаков и синергетических эффектов в условиях российской провинции. Отмечая общее и особенное, автор подчеркивает амбивалентный

характер изучаемого феномена, особую значимость его транснациональных характеристик.

Результаты диссертационного исследования прошли качественную апробацию на международных и всероссийских научных конференциях, опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях. Автореферат диссертационной работы отражает основные концептуальные положения и выводы исследования.

Диссертационное исследование соответствует требованиям п.9 Положения о присуждении ученых степеней, предъявляемым к диссертации по специальности 07.00.02 – «Отечественная история». Автор диссертации Н.В. Суржикова заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук.

Официальный оппонент:

Проректор по научной работе

ОУ ВО «Южно-Уральский институт

управления и экономики»

(454052, РФ, г. Челябинск, ул. Комаровского, 9-а;

e-mail: nauka@inuесо.ru)

д.и.н.

20 ноября 2015 года

О.С. Нагорная

Подпись проректора по научной работе О.С. Нагорной
Заведующий кафедрой истории

